

В. К.

Дедал или Икар? Предисловие к русскому изданию

Печатаемые ниже публичная лекция Д. Б. Холдена и ответ на нее Бертрана Рёсселя тесно связаны не одною только общностью темы. Нет, здесь перед нами в сжатой, изящной форме изложены те две взаимоисключающие точки зрения на будущее науки, которые открываются с крайних, подоблачных высот буржуазной культуры. Всякое третье решение вопроса неминуемо должно явиться логическим компромиссом, либо повлечь за собою решительный разрыв с краеугольными устоями буржуазного мировоззрения и мироучувствования.

Оба автора принадлежат к самым густым умственным сливкам современного буржуазного общества. Холден — талантливейший биолог, блестящий экспериментатор и остроумный теоретик в своей специальной области. Рёссель — известный математик и, кроме того, глубокий знаток Китая, издавший недавно чрезвычайно интересную книгу о китайской культуре. Принадлежат они оба к одной и той же национальности, к одному и тому же классу, даже к одному и тому же сравнительно мелкому подразделению внутри своего класса: оба они младшие сыновья титулованных представителей английской аристократии, вынужденные собственными усилиями пробивать себе дорогу, в то время как их старшие братья заседают по праву первородства в палате лордов и оттуда, как из-за пестро размалеванных кулис, руководят великобританской политикой.

Удивительно, до какой степени воззрения даже самых свободных умов определяются общественным положением и уровнем дохода. Член палаты пэров Соединенного Королевства искренно полагает, будто в его отечестве все обстоит благополучно. Но его несколькими годами позже рождённый брат никак не может согласиться с подобным отсталым мнением. Он мечтает о «прогессе» или желчно указывает на различные дефекты современной социальной организации. Он может стать фабианцем, салонным анархистом или даже примкнуть к безобидному правому крылу Рабочей партии. Но не далее этого. Воспитание в Оксфорде или Кембридже служит надежной

предохранительной прививкой против большевизма, коммунизма и т. п. экстравагантных и не джентльменских учений.

Случайностью рождения Холден и Рёссель были брошены в оппозицию. Но Холден лет на двадцать моложе Рёсселя, принадлежит в сущности совсем к другому поколению. Этим, надо думать, объясняется бодрый оптимизм первого и скептический пессимизм второго.

Холден ждет спасения человечества от естественных наук. В этой сфере он у себя дома и без труда формулирует много научно-технических предсказаний, большинству которых, вероятно, суждено исполниться. Хотя свою книжку он посвятил памяти старого строителя Дедала, но в сущности сам он скорее напоминает Икара, первого пилота-авиатора, который опрометчиво и дерзко поднялся к солнцу на крыльях, склеенных воском.

Рёссель старше, опытнее, богаче запасами издавна накопившихся горечи и разочарований. Он не сомневается в осуществимости технических пророчеств своего молодого оппонента. Но ему страшно. Он напоминает, что воск может растаять от солнца и тогда отважный легчик разобьется на смерть.

Рёссель боится разрушительных возможностей современной науки. Но еще больше опасается он безмерного усиления правительственной власти в результате технических усовершенствований.

Кто же прав из них двух: боязливый старик или дерзновенный юнец?

Не обинуясь, скажем: пока существует буржуазный мир, пока под вывеской пышных демократических знамен и под музыку громких фраз продолжается господство ничтожного меньшинства над большинством и эксплуатация человека человеком, Рёссель прав и Холден ошибается, — не в практических приложениях, конечно, а в своем общем оптимизме. При том положении вещей, которое сохраняется доньше в капиталистическом мире, развитие науки, несомненно, влечет за собою усовершенствование орудий истребления, т. е., иначе говоря, все возрастающую опасность международных войн и усиление правящей клики в каждой отдельной стране. Если бы вся политика исчерпывалась соперничеством наций или, напротив, если бы весь мир был объединен в одно огромное буржуазно-капиталистическое государство, развитие прикладных естественных наук пришлось бы признать абсолютным злом и, быть может, стоило бы пожалеть, что новорожденные физика и химия не задохнулись в дыму костров Средневековья.

К счастью, дело обстоит несколько иначе. Буржуазного интернационала, если не считать комической Лиги Наций, — доньше не существует, и вряд ли удастся его когда-нибудь наладить. Вместо единого чудовищного Левиафана на международной арене мы

видим целую стаю крупных и мелких хищников, начиная от львов и кончая шакалами, видим целый ряд враждующих капиталистических групп, в большинстве своем имеющих замкнутую национальную организацию. Группы эти с чрезвычайной готовностью истребили бы друг друга, пользуясь разрушительными средствами, которые дает им в руки современное естествознание, но на беду им приходится вести борьбу не только на внешнем, но и на внутреннем фронте, сдерживать силою или обманывать посулами рабочую массу, которая с каждым годом все более проникается идеями интернационализма. Конечно, при помощи танков, аэропланов и ядовитых газов, численно ничтожный полицейский отряд может разогнать любую рабочую демонстрацию, подавить любой неорганизованный пролетарский бунт. Но не надо забывать, что, во-первых, рабочие нужны для производства тех самых боевых машин и снарядов, посредством которых хозяева и государственная власть держат их в руках, а во-вторых, всякие репрессии, проводимые систематически и в широких размерах, ослабляют страну перед лицом внешне-го противника.

Таким образом смыкается роковой круг. Буржуазные государства Старого и Нового Света оказались у перепутья, и любое из двух направлений, которые им предоставлены на выбор, не обещают ничего утешительного в смысле сохранности существующего строя. Альтернатива такова: или продолжать политику безоглядного, агрессивного империализма, экономически поработать соседей, эксплуатировать заморские колонии и т. д., — или придерживаться политики пацифизма, обуздывать своих домашних шовинистов, согласиться на мирные уступки колониальным народностям и очистить для пользы конкурентов многие из прежде занятых экономических позиций. Но первый исход означает собою целый ряд истребительнейших войн, в которых химик и инженер заменят пехотинца и кавалериста и которые, рано или поздно, приведут к социальной революции. Второй же исход может быть осуществлен лишь путем привлечения к действительному участию в политической власти трудовых масс, этого единственно мирного элемента в современном мире. Но такое привлечение еще больше распатает и без того расхлябанную буржуазную политическую машину и, опять-таки, грозит привести к революции.

Более чем вероятно, что буржуазный мир не найдет в себе решимости окончательно избрать один из двух указанных путей, но будет беспомощно метаться между ними вплоть до своего окончательного крушения. И развитие естественных наук в связи с техникой станет одним из мощных факторов этого крушения, отныне уже неизбежного.

Гибель буржуазной цивилизации не будет, однако, означать собою гибели цивилизации вообще, и наука уцелеет после падения тронов, парламентов, банков и бирж. Напротив, тогда-то, по окончании борьбы, и наступит истинный расцвет научного знания. Но те страхи, которые выражает скептик Рёссель, потеряют при новых условиях всякое основание. После исчезновения классов правительство сделается исполнительным органом общества в его целом и расширение его власти, никого не утесняя и не обездоливая, просто-напросто будет означать собою расширение власти человечества над природой. Разумеется, такой результат не может быть достигнут сразу, без промежутков и этапов. Но в общеисторической перспективе наступление его несомненно.

